

Совхозные поля и окрестности села Малоирменки расположены на возвышенной равнине левобережья Оби, расчленённой речной, овражной и балочной сетью. Ясные и просвечивающие насквозь берёзовые колки и небольшие густые ивовые заросли около берегов неглубоких речек Шубинки и Ирмени великолепно украшают эти привольные места Ордынского Приобья.

За селом на пшеничных полях ещё вчера шумел комбайн, а сегодня трактор поднимал пары, запахивая жёсткую стерню в землю. В последние дни сентября погода продолжала радовать сельчан тёплыми погожими деньками бабьего лета, и они, пользуясь передышкой после уборки зерновых в совхозе, торопились закончить работы в сухую пору. Сибирская погода непредсказуема, после двадцати пяти градусов тепла вечером, утром может «порадовать» и плюс пятью с дождём и ветром.

Семья Ивановых, мать и двое детей, тоже трудилась на огороде. Мария, по-мужски орудуя лопатой, сноровисто подкапывала тяжёлые кусты картофеля, выворачивая клубни наружу, чтобы детям, не роясь в земле, было легче их собирать. Богатый урожай всех овощей радовал Марию. Клубни, как

маленькие розовые и белые поросята, прильнув к материнским кустам, лежали ровными рядками.

Матери семейства было около тридцати пяти лет, русоволосому и быстроглазому мальчику Игорю – тринадцать, голубоглазой девочке Тане – семь. Мария незаметно наблюдала за детьми, как они старательно собирают картошку в небольшой старый подойник, затем Игорёк рассыпает её на солнышке недалеко от погребка для просыхания: «В отца пошли, работящими и хорошими помощниками растут мои кровиночки. Старший не только полностью обихаживает скотину, но уже нынче вдвоём с ним заготовили на зиму сено для коровы, сметали его в два стога, не прибегая к помощи соседей. Наломал веники для коз и овец. Нянится и присматривает за сестрёнкой, вместе с ней ходит в берёзовые колки за ягодами и грибами».

Глава семейства Николай прислал недавно письмо из «мест не столь отдалённых», а, вернее, очень удалённых от родного села, но поблизости от города Игарки, где он отбывал срок за якобы агитацию против Советской власти. Там строил железную дорогу Салехард – Игарка, впоследствии названной Сталинской Мёртвой. В письме он сообщал, что в конце сентября вернётся домой. Новое руководство в Кремле, в связи со смертью вождя народов, объявило Ворошиловскую амнистию политическим заключённым и лицам, осуждённым сроком до пяти лет, за мелкие преступления, кражи и хищения социалистической собственности. По этой статье Николай отсидел неполных четыре года. После похорон Сталина по деревням и сёлам всё лето ползли тревожные слухи и разговоры: что будет со страной, кто встанет у руля Советского государства и что от него ожидать крестьянам. Радио не прибавляло спокойствия в души граждан: «Берия – предатель и шпион, готовил переворот, поэтому выпустил на свободу

всех уголовников, чтобы создать нестабильность и панику в стране». Действительно, после амнистии увеличилось число грабежей и убийств.

Разные думы одолевали Марию: каким вернётся муж домой, наверное, на сталинских великих стройках потерял всё здоровье и растратил остатки нервов? На общих собраниях Николай, не выбирая выражений, рьяно критиковал директора и порядки в совхозе, ставил острые вопросы: когда наладится ремонт тракторов в МТС, когда откроют фельдшерский пункт в деревне и отремонтируют школу? Зачем совхозу закупать кур, если не построен птичник? Почему так плохо живут колхозники? Когда выдадут паспорта и дадут пенсию? Думал, боевые награды на передовой, трудолюбие и незаменимость на работе дают ему право поднимать эти острые вопросы на общих собраниях.

– Люди добрые, простите его. У него нервы не в порядке: пришёл с войны раненым и контуженным, – увещевала сельчан и правление жена Николая.

Дома Мария его урезонивала.

– Коля, уймись, загремишь скоро в каталажку. Не все возвращаются оттуда живыми. Ты что забыл, как в гражданскую войну твоего отца убили белые и скинули его зимой в прорубь Горького озера. А у меня мать и отец перед наступлением Колчака ушли вместе с красными, и с той поры о них ни слуху, ни духу. Оба мы росли в сиротстве и нищете, хорошо пригрели и воспитали добрые люди. А у нас с тобой двое детей. Как я буду поднимать их одна?

Пасха в год ареста мужа была в начале мая. Берёзы покрылись нежно пахнущей юной листвой, а многочисленные желтоватые серёжки на ветках делали белоствольные деревья по-праздничному нарядными. На Красную горку все селяне собрались на пригорке у берёзового колка. Под завитой бе-

рѣзкой устроили пляски под гармошку. Любо-дорого было смотреть на Николая, как он отлично плясал вприсядку, молодецки хлопая себя по ногам, животу и земле, залихватски напевая частушки. А одну из них «Калина-малина, восемь жѣн у Сталина. У крестьянина одна, как собака голодна» знала вся деревня, но в компании более двух людей её не исполняли. После этого Николая уже ничего не могло спасти от карающего меча «самого гуманного в мире» правосудия: ни медали, ни ранения, ни специальность тракториста и так недостающие после войны и крайне необходимые в хозяйстве мужские руки. Только не хватало сексота. И он нашѣлся.

Тяжелые думы Марии прервал радостный крик сына.

– Тятя, тятя идѣт!

Мария растерялась, не помня себя, засуетилась, за чем-то схватила ведро с картошкой и понеслась под горку к поскотине встречать мужа. Дети уже висели у него на руках. Худой и высокий, с впалыми щеками, но по-детски ясными голубыми глазами, в тѣмно-сером хлопчатобумажном костюме, в старых кирзовых сапогах, Николай трясущимися руками ласково гладил ребятишек по непослушным вихрам.

– Марьюшка, поставь ведро-то на землю. Вот и свиделись, мои родные, слава богу, пойдѣмте в дом, присядем. Я принѣс небольшие гостинцы всем. Заработал на пристани в городе. Добирался от Новосибирска на пароходе, а от Ордынска шѣл пешком. За это время только одна полторка догнала меня. Боятся сажать водители в машину бывшего арестанта, в каждом подозревают уголовника и убийцу. Ну да бог им судья.

Зайдя в дом, неторопливо снял котомку и достал подарки: дочке небольшого голого пластмассового пупсика, сыну игрушечный пистолет, Маше – газовую голубую косынку и бумажный кулѣк карамелек подушечками.

– Марьюшка, пойдём, посмотрим хозяйство. Руки у меня соскучились по крестьянской работе. Во сне снилась мне наша раскидистая черёмуха над прудом, где в жаркий полдень мы так любили в тенёчке с тобой посидеть и даже подвешивали зыбку с нашим первенцем. Или ещё видел сон, повторяющийся не один раз. Время обеда. Ты идёшь ко мне навстречу в лёгком маркизетовом платье, я дарю тебе целую охапку огоньков, растущих огромными пылающими куртинами на пологом склоне увала недалеко от села, где я работал на тракторе. Эти сны помогали мне жить, переносить все издевательства надзирателей, тяготы рабского труда на отсыпке дороги и вселяли надежду на встречу с вами.

– Игорь, слазь в ямку, достань отцу крынку холодного молока? Коленька, на, попей пока с дороги кваску, ты очень любил мой домашний с солодом квас и окрошку на нём, а я соберу обед. Отдохни, завтра всё посмотришь. Ты только что прошагал двадцать километров. Скоро пастух пригонит стадо, я подою корову и напою тебя парным молоком. Наша Майка стала уже старой, удои уменьшились, но нам хватает, и с государством рассчитались. В марте принесла бычка. Даст бог, осенью с соседями договорилась обменять его на тёлочку, вырастим свою корову. От молочка да от чистого воздуха ты быстро пойдёшь на поправку. А сейчас я пойду протоплю баню.

– Игорь, Танечка, пойдёмте собирать картошку в одну кучу, закроем её ботвой от ночной росы, а завтра с матерью опустим её в погреб.

На огороде в грядках ещё сидели и набирали сахар морковь и свёкла, на кустах помидоров висели одинокие красные и многочисленные зелёные мелкие осенние плоды-опуыши. Большие кочаны капусты с ободранными нижними листьями для корма кур и коз, выглядели, как длинноногие цапли, терпеливо ожидая первые заморозки. Продолжали буйно

цвести георгины. А куст черёмухи стал ещё более густым и раскидистым, прибавив несколько стволов за четыре года. Он не мешал овощным грядкам, удобно расположившись в конце огорода перед склоном балки. На ветках черёмухи висели одинокие красновато-зелёные листья, но куст выглядел чёрным от обилия длинных кистей ягод. Недалеко от усадьбы Ивановых балка ещё в 1921 году была перегорожена первыми коммунарами плотиной, образуя Коммунарское озеро-пруд, которое до сих пор украшает красивые окрестности села Малоирменки. В нём вместе с утками и гусями всё лето радостно плещется деревенская детвора.

«Какая рясная и сладкая ягода! Завтра с детьми надо будет её собрать и засушить на пирожки. В курятнике нет насестов, не отбиты косы, покосился плетень, прохудилась крыша у стайки», – всё видел хозяйский глаз Николая при осмотре двора, намечая себе работу на завтра.

Когда баня была готова, Мария в деревянном ушате кипятком запарила берёзовый веник и позвала в первый пар мужа.

– Я с детьми буду мыться, когда немного остынет баня. Тебе зайти потереть спинку?

– Не надо, Марьюшка. Я боюсь своими мослами напугать тебя. А ты у меня несколько не изменилась за эти годы: как была стройной красавицей в молодости, такой и осталась. Только слегка поседелели волосы.

– Что ты говоришь, Коля, это ты был первый парень на деревне! Я долго не могла поверить своему счастью, когда ты пришёл меня сватать!

В предбаннике она оставила мужу белое исподнее бельё и большую кружку кваса, чтобы плеснуть на раскалённую каменку для духа и пара. А сама пошла собирать ужин.

Сначала накормила детей и отправила их погулять, чтобы наедине досыта наговориться с мужем обо всём: о долгих

годах расставания, как тосковала и выживала без него с детьми, о родственниках, о колхозных делах, о соседях, о работе. На столе стояли свежие помидоры, огурцы и солёные белые груздочки. В запотевших гранёных стаканчиках разлит из штофа прозрачный первач-самогон с двойной перегонкой, который приберегался на встречу с мужем, наваристый с домашней лапшой суп из курицы, мясо которой Мария сохраняла в погребе на льду.

На дворе было два глубоких погреба (по-сибирски, ямки, оборудованные лестницами и творилами), выкопанных Николаем перед самым арестом: в одном стояли овощи и соленья в деревянных кадушках, в другом на льду хранилось мясо, молоко, молочные продукты и квас. Снег в него плотно забивали, начиная с марта месяца, сверху присыпали трухой и сеном. Прекрасный холодильник действовал до конца лета.

– За сущречу, родная Марьюшка!

– За твоё здорovie, дорогой супруг! – чуть пригубила Марья и поставила стаканчик на место. Давай хоть поцелуемся без детей. Кушай хорошенько, поправляйся.

– Дети подрастают, мы же с тобой ещё молодые, может быть, ещё кто появится. Этот дом совсем старый, полы уже лежат на земле. Надо строить большой крестовый. Пойду работать трактористом, попрошу ссуду в конторе и до зимы ещё успеем сделать фундамент, поставим его ближе к дороге, а этот оставим на месте, будет тёплая стайка для скотины и птичник.

– Да, Николай, жить в деревне стало легче. Маленков снизил нормы обязательных поставок со двора, вдвое уменьшил денежные налоги и втрое повысил закупочные цены на сельхозпродукцию. Вот поэтому я сумела рассчитаться с государством по сельхозобложению. Даст бог здоровья, мы всё вдвоём сумеем построить и выучить детей.

– Суседи, можно зайти? – и на пороге, не ожидая приглашения, появился коренастый мужчина, крепкого телосложения, в брюках галифе и зелёном френче. Во всём его облике чувствовалась какая-то еле уловимая настороженность и напряжённость, а бегающие маленькие глаза дополняли это первое впечатление.

– Проходи, Михаил, коли пришёл, садись за стол.

– Хоть ваш дом и крайний, но по деревне прошёл слух, что хозяин у Марей вернулся. Смотрю на тебя, Николай, и глазам не верю: «укатали сивку крутые горки». Мы же с тобой кореша, учились в одном классе, а ты сейчас выглядишь пятидесятилетним стариком.

– Да, не у мамки родной гостевал. От тэда здоровыми не приходят. Что верно, то верно, одногодки мы с тобой, но наши дороги давно разминулись. Я как прирос к земле, так и остался на ней, ты же в городе искал своё счастье, но нашёл ли его, я не знаю. Мария, налей Михаилу стаканчик, я лишь пригублю немного. Отвык я от крепких напитков.

– Ну, извиняйте меня, мужики. Пастух пригнал стадо, дети открыли ворота и загоняют скотину на двор. Побегу доить корову, – взяв кусочек хлеба и посыпав его солью для Майки, Мария проворно вышла из комнаты, а сама думала: «Какие ветры его принесли? Что ему надо у нас? Ой, не к добру это! А может быть, пришёл покаяться».

Оставшись вдвоём, мужчины некоторое время молчали. Каждый думал о своём.

Николай вспомнил последнюю встречу с Михаилом на гулянье за селом в Пасхальную неделю. Мишка был навеселе и всё старался быть поближе к Маше, назойливо лез к ней несколько раз христосоваться, а в последний раз, когда он хлопнул её сзади ниже пояса, нервы Николая не выдержали, сильным ударом он сбил Мишку с ног и отошёл в сторону.

– Правильно, Коля. Так ему, охальнику, и надо по заслугам. Вечером, когда расходились по домам, неожиданно сзади на Николая обрушился удар монтировкой по плечу. Завязалась драка.

– Всё равно Машка будет моя! – ревел в дикой пьяной злобе Мишка.

Михаил надеялся, что не вернётся Николай из гулаговских лап живым. Оба с юности любили Машу, но она выбрала Колю. Крепкая любовь связала их счастливый брак, а Михаилу осталось только наблюдать их семейное счастье издалека, но надежда на взаимность с Марией не покидала его. И полетел донос в НКВД. Вскоре Мария осталась одна с двумя детьми. На следующий же день Михаил пришёл к ней домой и предложил свою помощь в хозяйстве.

– Забудь навсегда, как открывается дверь в мой дом! Если увижу даже на улице, буду за километр обходить тебя, как от прокажённого. Думаешь, я не догадываюсь, кто донёс на моего мужа. Среди нас ты с детства отличался подленьким и завистливым характером. Таким и остался на всю жизнь.

– Марья, ты о чём говоришь? Я ни в чём не виноват перед тобой.

– Давно в деревню приехал? – прервал молчание Николай.

– Приехал устраиваться на работу в совхоз. Слышал, что большие послабления дал деревне новый Председатель Правительства Маленков. Здоровье у матери стало плохое. Я после войны один живой у неё остался. Надо за ней ухаживать, ко мне она отказалась переезжать. Два раза был женат. Детей бог не дал. Да, может быть, это и к лучшему.

– Не обессудь, сосед, пойду, прилягу после бани, – Николай дал понять непрошеному гостю, что пора уходить.

Утром супруги проводили детей в школу, а сами пошли в контору. В кабинете директора сидел его заместитель Алек-

сандр Захаров, который после расспроса о житье-бытье на Севере и о здоровье, дал распоряжение отделу кадров оформить Николая на работу механизатором.

– Николай Иванович, сможешь ли завтра приступить к работе или ещё хочешь денёк-другой отдохнуть? Если согласен, то можешь пойти на бригаду, посмотреть и принять трактор, а завтра или послезавтра выходи в поле поднимать пары. Твой сменщик не скоро вернётся из госпиталя.

– Вот и хорошо, Коля, пойдём вместе. Я на этой бригаде работаю поварихой. Надо собрать и упаковать все кухонные принадлежности и вывезти их в село на хранение до следующего лета, – обрадовалась такому назначению Мария.

Бригадой назывался одинокий небольшой дом в четырёх-пяти километрах от села, предназначенный для отдыха селян во время летнего полевого сезона: сев, уход за посевами, уборка урожая требовали от крестьян огромного напряжения в течение всего светлого времени суток. Машин после войны практически не было, да и лошадей не густо, поэтому в страду крестьяне и механизаторы обедали и ночевали на бригаде, чтобы не тратить дорогое время на дороги домой и обратно.

Полевая дорога петляла среди пашен, лугов и увалов. За разговорами супруги не заметили, как пришли на бригаду. Николай пошёл осматривать трактор, а Мария – на летнюю кухню, которую изображал натянутый на четыре столба брезент с самодельным длинным столом под ним и скамьями из нестроганных толстых досок. Чуть поодаль – кирпичная печь и большой ящик-стол для кастрюль и посуды.

– Наверное, будет гроза. Что-то сильно с утра печёт солнце. Парит и нещадно кусается мошкара, – гремя кастрюлями, кричит мужу Мария, – и тяжело на душе. Но последних слов жены за шумом трактора Николай не расслышал.

Заглушив трактор, Николай подошёл к Марии, ласково убрал завиток русых волос с её лба, спрятав его под косынку.

– Я закончил осматривать трактор. Пойду домой, закажу в конторе солярку, а завтра выйду на работу. Скорее всего, грозовые тучи унесёт поднявшийся ветер. Если и будет гроза, то небольшая, ведь на календаре уже конец сентября. Вечером, Марьюшка, я приеду на совхозной лошади с телегой за тобой и твоими кастрюлями и флягами.

Взяв какую-то замавленную деталь, Николай чмокнул жену в щёчку и неторопко отправился в путь: слабое здоровье не позволяло быстро брать спуски и подъёмы пересечённой местности.

Мария долго с любовью и озабоченностью смотрела ему вслед: как бы не догнала его гроза, как бы не промочил дождь. Вот он скрылся в ивовой заросли на берегу речки, вот поднялся по увалу к пашне, вот опять фигура мужа пропала за берёзовым колком, вот...

И вдруг, откуда не возьмись, бешеный вихрь закрутил пыль и листья, сорвал брезент, раскатал по двору неубранные пустые вёдра, пригнал со стороны села чёрную грозовую тучу, засверкали пересекающиеся между собой длинные змеи молний, а следом раздался оглушительный треск, скрывший от Марии звук выстрела.

25.12.2017 г.